

НАША СТРАНА

Год издания—45-ый. Буэнос Айрес, суббота 27 февраля 1993 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 27 de febrero de 1993 № 2221

Владимир Рудинский

МИФЫ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

До сравнительно недавнего времени дело обстояло просто. Советская печать об эмиграции, — первой, второй, потом и третьей, — молчала или сообщала только плохое. Но это было не так уж и страшно: публика в СССР знала, что большевики лгут, читала между строк и отцеживала факты, которые все же в печати проскальзывали.

Теперь положение усложнилось. Тема стала модной, и о ней усиленно пишут то один, то другой подсоветский литератор. Причем, вроде бы они полны к нам сочувствия, не скупаются на добрые слова... но, увы; под их пером, поистине: «Все врут календари!». Получается в результате не информация, а вредная дезинформация. Тем более вредная, что в нее порядочные люди на территории несчастной Снегии могут и всерьез поверить.

Перечислим ряд фальшивых трафаретов, сперва о нашей, новой эмиграции, потом и о старой. Что до новейшей, — она, полагаем, сумеет защититься и сама.

Выработался прием о людях из второй волны чем-либо замечательных говорить так, будто они попали за границу случайно и невольно, не могли вернуться на родину по не зависящим от них обстоятельствам и, упаси Боже, никогда ничего не делали, да и в мыслях не имели что-нибудь делать против советского строя и большевицкой партии. Если, на деле, они участвовали во Власовском Движении, служили в РОА, энергично выступали, устно и письменно, против коммунизма, — на эту часть их биографий опускался непроницаемый покров.

Появилась теперь и другая еще тенденция, утверждать, что де вторая эмиграция состояла из людей старшего возраста, выросших до революции и сохранивших потому старые идеи. Такая версия не держится на ногах! Среди нас были, и немало, даже глубокие старики и старухи, и, вообще, люди всякого возраста; но бесспорно, что основное ядро состояло из молодежи, преимущественно от 18 до 25 лет. Легко понять: его формировали бывшие военнопленные и остовцы, то есть — вывезенные в

Германию на работу молодые ребята и девушки.

Антисоветский накал этого слоя, — все, кто помнит то время, могут подтвердить, — достигал необычайной силы: люди смертельно боялись принудительного возвращения в Советский Союз и отталкивались от него любыми средствами. Опять же, иначе и быть не могло: все те, кто хотел возврата, или хотя бы с колебанием допускал мысль о возврате, — подчинялись ялтинским приказам. Остались те, кто нашел возможность и ею воспользовался — уклониться от выданных: что являлось весьма трудной задачей! Но и таких набралось, по примерным подсчетам, до двух миллионов человек...

Еще один ложно освещаемый пункт: при перечислении лиц, проявивших сочувствие или, тем более, оказавших активную помощь по отношению ко второй волне, называются отчего-то вовсе не те имена: умалчивается о всерьез хлопотавших и работавших... а выдвигаются такие, которые к нам относились равнодушно, а то даже и враждебно!

Другая еще неправда, — можно догадаться от кого она исходит, — касается настроений сих обездоленных масс. Будто бы среди них монархисты представляли редчайшие исключения, а преобладающим чувством было сочувствие солидаристам.

Это совершенно не соответствует действительности. Будь так, не произошло бы того, что, например, «Наша Страна» оказалась с самого своего возникновения окрыленной именно сотрудниками, выделившимися из среды новой эмиграции, сотрудниками часто блестящими. Вспомним Б. Ширяева, Л. Норд, Б. Башилова, Н. Кускова, М. Бойкова, В. Богдан, — и список можно бы далеко продолжить.

Такие же сотрудники отыскались и у Н. Н. Чухнова, выпускавшего, сперва в Германии, потом в США, монархический журнал, несколько раз менявший название (под нажимом американцев): «Огни», «На переломе», «Знамя России».

Все монархические организации Зарубежья получили мощный толчок от прилива

свежих сил в годы непосредственно после Второй Мировой войны.

То, почему политические организации за границей, вообще, постоянно толклись на месте, спорили между собой, распадались, — есть уже во все иной вопрос, коего мы здесь затрагивать не будем.

В изображении старой эмиграции, нынешние ее подсоветские бытописатели впадают в другие, не менее лживые клише.

Прежде всего они, как правило, не в состоянии сдерживать симпатии к движениям, как сменовеховцы и совпатриоты, ошибочно (по наивности или с умыслом?) принимая их за друзей России.

Но те отнюдь не были друзьями России или русского народа: они были друзьями и сообщниками *большевизма*, и притом в его самой гнусной, сталинской форме!

Персонажи как Эфрон, — их нашлось множество, — занимались шпионской работой в контакте с чекистами за плату или из чистого энтузиазма; впрочем, обычно то и другое у них соединялось. Они всячески содействовали истреблению советских перебежчиков, а позже — всех беглецов из сталинского ада; они делали все, что могли, дабы заглушить правду о творящемся на родине, дабы укрепить розовые иллюзии Запада и не дать ему очухаться и понять сущность большевизма.

Допустимо ли их принимать за друзей народа, нестерпимо страдавшего под игмом НКВД и кровавого кремлевского деспота? Полагаем, — они были самые худшие враги этого народа! С изумлением читаешь теперь под пером новоявленных борзописцев похвалы митрополиту Евлогию, стремившемуся подчинить эмигрантскую Церковь Советам, ездившему на прием к советскому послу Богомолу вместе со всякого рода милюковыми и прочими февралистами.

Далее, — вообще, рисуются нереальная, фиктивная и фантастическая картина быта эмиграции, особенно во Франции (которой почему-то больше всего пока в СССР и занимаются). Нам рассказывают сказки о левой, «либеральной» интеллигенции,

которую якобы травили и преследовали злые реакционеры... В реальности, именно левые, наследники Февраля, сумели с самого начала взнудать беженскую стихию, подавляющим большинством в тот момент монархически настроенную. В их руках оказались деньги и связи, их поддерживали и с ними считались иностранные специалисты, масоны, в конечном счете те, кто делал погоду в Европе и в Америке. Они управляли печатью, благотворительностью, занимали посты в административных учреждениях, ведавших делами русской эмиграции. Так оно было в промежутке между двумя войнами, так осталось и после Второй Мировой войны. А если сейчас что и изменилось, — то только в виде общего упадка эмиграции.

Проглядывая сочинения нынешних советских специалистов, видишь (иногда угадываешь, а иногда они и сами открыто заявляют), что в роли их информаторов *всегда* выступают одни и те же лица, из узкого круга (их бы легко и поименно пересчитать): обломки Февраля, часто уже во втором поколении.

Отметим, что культурный уровень и способности у них куда ниже, чем были у их предшественников.

До той части эмиграции, монархической и патриотической, которая всегда боролась за освобождение и возрождение России, которая и сейчас хотела бы и могла бы данному возрождению содействовать, — приезжающие из СССР писатели и журналисты (даже правого направления) по не совсем понятным причинам, почти никогда не добиваются.

А жаль: именно с нами они могли бы найти общий язык. Любовь к отечеству, желание ему счастья, мечта, что бы оно нашло верный путь для выхода из нынешнего мрака и страдания, — у них и у нас одинаковые.

Те силы, которые (надо признать, очень ловко!) нас разъединяют, служат делу Зла; но не всякий сумеет разглядеть их подлинный лик за маской, которой их черты завуалированы.

Владимир Рудинский

Среди книг

ДВЕ ЦЕНЗУРЫ

В книге П. Пильского «Затуманившийся мир», изданной в Риге в 1929 году, автор так комментирует воспоминания И. А. Белоусова «Литературная среда», опубликованные в Москве в 1928 году: «Что может быть страшней и беспощадней цензуры в СССР?». Но Белоусов об этом не говорит ни одного слова. Зато «царской цензуре» достается жестокое осуждение. Эта «царская цензура накладывала свою лапу на печатное слово», «она не менее зорко следила и за устным словом». Приводится пример. В сентябре 1913 года исполнилось 50 лет газете «Русские Ведомости». Днем было назначено заседание в «Славянском Базаре», вечером подписание ужин-банкет. Начались речи.

После одной из них дежурный пристав закрыл собрание. Некоторые стали уходить. Другие остались сидеть. И. А. Бунин заявил приставу, что он не уйдет, пока ему не подадут заказанное кофе. Пристав попросил Бунина следовать за собой для составления протокола.

— Нет, вы за мной следуйте, — сказал Бунин и пошел к своему столу.

— Ваше имя и звание? — спросил пристав. Бунин дал ему свою визитную кар-

точку.

Пристав начал составлять протокол. Бунин заявил, чтобы в свидетели был поставлен, между прочим, академик Овсянко-Куликовский, а на другой день поехал к градоначальнику. Тот, выслушав его, сказал, что ничем не может ему помочь.

— Да я не защиты приехал просить у вас — объяснил Бунин, — а жаловаться на некорректное поведение ваших подчиненных.

И градоначальник сразу переменял тон, предложил писателю кресло и очень огорчился тем, что свидетелем был вызван академик Овсянко-Куликовский, и Бунин сам оказался тоже почетным академиком. И дело было замято.

Так вот как несправедливо и жестоко обращалась «царская цензура» и как тяжела была ее «лапа». Попробовал бы сейчас Белоусов устроить банкет и произнести антиправительственную речь, и послушал бы я, как это он стал бы разговаривать с дежурными чекистами, и хотел бы я узнать, что ему было бы уготовлено, и как бы все это кто-нибудь сумел бы замять.

Но об этом Белоусову писать в высшей степени неудобно и даже невозможно, хотя теперь «царской цензуры в СССР нет».

А это еще в «счастливые» 20-е годы!

Савва Юрченко

КРОВЬ ОФИЦЕРОВ

На рейде Финляндском закованный
льдами,

России могучий оплот,
Под небом слепым, занесенный сне-
гами,

Угромо безмолвствовал Флот.

В морозной дали полыхали зарницы.
Ответа искала душа

На темные слухи, что шли из
Столицы, —

О крови, о днях мятежа.

Застыв, словно брошена страшная кар-
та, —

Так каждый известия ждал.
Но сорванным голосом Первого*) Марта
О смерти прочел Адмирал.

Лишь бритые скулы означились резче
... За сутками сутки прошли.

И в ночь заалели огнями зловеще
На рейде глухом корабли.

Хрипел агитатор: «Смерть им, кровопий-
цам!

Нанижем-ка их на штыки!»,
И путь заслоняла взъяренным убийцам
Тень к сердцу прижатой руки.

Все прошлое — сон: не надейся на ми-
лость!

... До света металась пальба,
И люто над каждой жертвой глумилась
Зверей одичалых толпа.

А после все стихло. На сером рассвете
Как прежде, безмолвствовал Флот.
Застывший на палубах кровью ответил
России — Семнадцатый год.

АРТЕМИЙ ТУМАНИК

*) Как свидетельствует Г. К. Граф, в Феврале 1917 года бывший командиром эскадронного миноносца «Новик» Балтийского Флота, именно 1-го Марта 1917 года Командующий Балтийским Флотом адмирал Непенин объявил перед строем команды «Андрея Первозванного» об отречении Государя Императора от Престола, которое в действительности стало фактом лишь сутки спустя! (Примечание автора).

Вышел в свет роман в новеллах
Владимира Рудинского

«СТРАШНЫЙ ПАРИЖ»

Книга представляет собой не только взаимосвязанный цикл интересных новелл о тайной жизни экзотических групп мирового города и об их таинственной и грозной подчас деятельности. В оригинальном жанровом сплаве книги дана еще и реалистическая жизнь парижской российской диаспоры первой и второй волн эмиграции, на стыке обеих волн.

В казалось бы фантастическо-детективные и оккультно-этнографические сюжеты новелл вплетено как ведущая духовная линия противостояние inferнального зла в самых различных его обликах и Мирового Добра, воплощенного в христианстве; в душе лирического героя книги и в ее сюжетах вера побеждает злую силу.

Книга весьма обогащена глубокой лингвистической и этнографической эрудицией автора.

Требуйте «Страшный Париж» во всех магазинах русской книги Зарубежья.
Цена — 15 американских долларов.
В книге 256 страниц.

В ЧЕСТЬ СЕСТРЫ ГОСУДАРЫНИ

Дорогие соотечественники!

В подмосковном городе Щербинка создана первая в России православная община в память Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны; в честь ее здесь будет строиться храм.

Свое содействие обещали и русские писатели, и казаки, и общественные организации. Идет сбор подписей с требованием выделить землю для строительства церкви в центре Щербинки, возле железнодорожной платформы, чтобы жители и других районов Москвы, жители 300-тысячного Подольска могли бы легко и удобно приезжать в наш храм молиться.

На эту же землю, которая как бы доминирует в Щербинке, претендуют и бесноватые сектанты-пятдесятники. Они обещают властям доллары и все блага из США, откуда приезжают родные им по духу проповедники.

Мы призываем все русское зарубежье оказать моральную поддержку православному и внести свой посильный вклад в строительство храма. Адрес общины: Россия, 142002, г. Щербинка-1, а/я 25, заместитель церковного старосты Любовь Петровна Гамарис.

Священник Владимир Гамарис

Письмо в редакцию

СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

В моей рецензии на книгу Довлатова, напечатанной в «Нашей Стране» № 2214, бакланы превратились отчего-то в баксанов! В такой форме слово действительно уж делается непонятным, — в любом смысле!

Кроме того, в цитатах на малайском языке смешаны латинский и славянский шрифты, в силу чего они искажены до последней крайности.

Karat превращено в качат, kerata в кечата. Можно утешиться тем, что большинство читателей так и так ничего не поймет. Но я обманывать публику не хочу; а читатели бывают разные.

В. Рудинский

Языковые уродства

ЮЛИУС МАРТИНУС

В № 3 за 1992 год московского журнала «Знание — Сила» (уж на что, казалось бы, органа элитарного и культурного!), мы читаем сообщение, что в Венгрии найден диплом на медной дощечке, выданный во время правления императора Септимия Севера воину Гаю Юлиусу Мартинусу.

По-русски принято говорить Юлий Цезарь, а не Юлиус Цезарь; святой Мартин, а не святой Мартинус.

Грустно, что нынешние образованцы позабыли литературный русский язык и не умеют им пользоваться!

Аркадий Рахманов

Союз Святого Александра Невского
в Аргентине с прискорбием
сообщает о кончине 13 января с. г.
члена Союза

ВЕРЫ АЛЕКСЕЕВНЫ АСЕЕВОЙ

и выражает соболезнование
родственникам покойной.

Союз Святого Александра Невского
в Аргентине с прискорбием
сообщает о кончине 12 февраля с. г.
члена Союза

КОНСТАНТИНА ЛЕОНИДОВИЧА
ЯКОВЛЕВА

и выражает соболезнование
родственникам покойного.

Статья Д. Штурман о романе В. Рудинского «Страшный Париж» («Н. С.» № 2207) является ее предисловием к этой книге и перепечатана «Нашей Страной» без просьбы автора предисловия.

Н. Кусаков

НЕСКОЛЬКО СТРОК

около художественной литературы

Обычно, когда кто-либо выступает на страницах печати, то делает это он или она с целью сказать что-то своим современникам и соотечественникам. Поэтому нижеследующие строки покажутся странными, так как тут пишущий обращается к читающей аудитории не со своим словом, а с вопросом, который может показаться не заслуживающим ответа. Но может быть, — так думает пишущий эти строки, — познакомившись с тем, что здесь будет сказано, читатель остановится вниманием и ответит и мне, и сам для себя.

Меня давно заинтересовало незначительное наблюдение о том, что, хотя весь европейский мир в свое время был страшным образом потрясен эпидемией чумы, в художественной литературе это нашло себе очень незначительное отражение.

Где-то в 1660-е годы с корабля, привезшего из Египта груз хлопка, в Генуе выбежало несколько крыс, зараженных чумой. Бактерия чумы одинаково поражает крыс, как и человека, а переносчиком является крыса и блохи на ней. Про Пастера тогда еще не слышали, разумеется, и о гигиенических превентивных мерах никто не думал. В мусорных кучах вдоль по улицам крысам было раздолье, и чума пошла из Генуи дальше на запад. Из порта в порт. Обошла все испанские порты, потом португальские, пересекла Бискаю, пошла на север вдоль по французским портам и с особенной силой поразила Англию.

Дальше на восток к Балтике, дальше на русскую землю. Это было петровское время. Петр был мальчиком. Государь вывез семью из Москвы. По всем дорогам жгли костры (так что своего рода превентивные меры были приняты). Не дойдя до Москвы, чумная бактерия дегенерировала и болезнь прекратилась.

Больше всех пострадал Лондон. Вскоре после чумы Лондон пережил еще пожар. Есть люди, делающие замечание, что чума была знаменем к тому, что разразилась она в те годы, когда мыслители порвали с религией. Им надоело регулировать отношения между всеми религиями, — а их после Лютера явилось много, так что у каждой было свое мнение. Была физика лютеранская, с нею не соглашалась физика католическая, ботаника методистов, астрономия пуританская, были еще и другие.

В конце концов, трезвая научная мысль конкретного знания положила конец разногласию и начисто отделила науку от религии. Религия, правда, еще со времен Галилея и Коперника была не в ладах с тем, что тогда называли наукой. Впрочем, наша речь не о том, хотя иные и принимают чуму, как знамение.

Была ли чума знаменем, наказанием Божьим возгордившемуся человеку? Или это случайное совпадение? Наша

речь не о том. Тут я должен сознаться, что моя недоученность не позволяет мне иметь точное представление обо всем охвате всей всемирной литературы. Поэтому я обращаюсь к тем, кто больше меня знает, с вопросом, — верно или нет мое наблюдение, что, хотя чума России коснулась лишь слегка, хотя удар, нанесенный чумою, со страшной силой упал на страны Западной Европы, ужас эпидемии, когда мертвых возили наваливая трупы один на другой и крючками вытягивали мертвых из жилища потому, что в живых не оставалось никого в семье (так было в Лондоне), — этот ужас нашёл свое отражение только в творчестве русского поэта А. С. Пушкина? Почему никто другой не отозвался?

Как получилось, что только до русского ума и сердца дошла страшная скорбь и непомерный ужас беспомощности человека перед явлением Божьего гнева? Вы помните, конечно, «Пир во время чумы»? Помните? Безумное веселье обреченных!

«Будем есть и пить, — все равно завтра умрем!». Так говорили и весельчаки в Вавилоне во времена св. пр. Исаии (Ис. 22, 13). В качестве подробности заметим, что и св. апостол Павел напоминает об этой поговорке (1-е Кор. 15, 32).

На этом заканчивается первый вопрос.

Повторю: как могло получиться, что трагедия чумной эпидемии глубже всех коснулась сердца и ума русского писателя?

Почему не отозвались те, кого это сильнее всех коснулось? А Пушкин к сему еще сделал подзаглавие по-английски: "The City of the Plague".

Есть у меня еще и другой вопрос. Это уже к тем, кто является знатоком французской литературы. Есть одна фраза, замечательная своей выразительностью, меткостью попадания в цель. Быть может, мысль эта не так выразительна, но это уже дело вкуса. Мне говорили, что автором этой мысли был французский поэт Бодлер. Было бы важно знать ее на французском, так как в русском переводе получается несколько неуклюже, так что приходится в скобках давать разъяснение того, что имеется в виду. Мне эту фразу передавали так:

«Самую крупную победу над человеком сатана одержал тогда, когда ему (сатане) удалось убедить его (человека), что его (сатаны) нет в природе».

Думаю, что по-французски это может звучать более элегантно и поэту более выразительно. Обращаюсь к знатокам французского языка и истории французской литературы. Верно ли, что эту мысль (про победу сатаны над человеком) впервые высказал Бодлер? И верно ли, что по-французски эта фраза звучит ярче и более убедительно? В ожидании ответа на этих же страницах, с совершенным уважением,

Н. Кусаков

Зарубежная жизнь

ЕЩЕ ОДНО БЛАГОЕ НАЧИНАНИЕ

Первый Южноамериканский съезд русской православной молодежи имел место в Бразилии в городе Сан-Пауло с 25-го по 31-ое января с. г.

Прибыла в Сан-Пауло наша зарубежная Святая — Чудотворная Икона Божьей Матери Курская-Коренная, что очень подняло дух всех участников съезда.

Также прибыли на съезд Его Высокопреосвященство Архиепископ Лавр Сиракузский и Троицкий в сопровождении отца диакона Иоанна Онопо; Его Преосвященство Епископ Иоанн Буэнос-Айресский и Аргентино-Парагвайский, окормляющий все епархии Южной Америки; протоиерей о. Владимир Шленев с матушкой из Аргентины; священник о. Всеволод Дутиков из Чили, куда он был направлен из США временно замещать архимандрита Вениамина; из Чили же прибыла игуменья Юлиания с матерью Магдалиной (американкой). Постоянно присутствовали протоиерей о. Георгий Петренко и священник о. Константин Бусыгин с их матушками, последние оба являются настоятелями приходов в Сан-Пауло и понесли на своих плечах всю тягость организации съезда с помощью организационного комитета и при участии прихожан.

Съезд открылся в воскресенье 25 января торжественным архиерейским служением Божественной Литургии в кафедральном соборе Святителя Николая на «руа Тамандарэ», где настоятельствует о. Константин Бусыгин.

Тут же был отслужен молебен перед началом съезда, затем все отправились в нанятый огромный зал, где был сервирован обильный обед. Архиереи и о. Георгий в своих речах приветствовали собравшихся, благодарили за поддержку. Владыки преподали архиастырьское благословение на проведение съезда.

В отличие от всезарубежного съезда в Буэнос-Айресе, где его приезжие участники жили в гостинице, здесь было организовано иначе. В окрестностях города среди живописных гор наняли общежитие, в котором была сооружена наша церковь с походным престолом. Стройно пел хор молодежи, уже спевшийся в Аргентине, который дополнила матушка Юлиания и некоторые местные певчие, а иногда присоединялись и батюшки, бывшие семинаристы, тогда пение напоминало Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, что создавало тихое молитвенное настроение.

Участников съезда — молодежи и представителей старшего поколения, насчитывалось от 60 до 90.

Надо отметить, что организаторы позаботились и о развлечениях, понимая, что молодежи хочется и подвигаться, и повеселиться. Автобусами их возили в город и на пляж. В самом общежитии был устроен «вечер талантов» и «костер дружбы» — наподобие разведческих. Смеху было много! Но та же молодежь умела и внимательно слушать серьезные доклады, которых было семь. Вот их перечень: «Аскетическая жизнь в миру» — Владыка Лавр; «Об Ангелах» — о. Григорий Науменко (за его отсутствием доклад читал о. Диакон Иоанн Онопо, сопровождая его диапозитивами икон); «О современном мире» — матушка Юлиания; доклад о. Владимира Шленева не имел названия, но условно можно было его озаглавить так: «Положение православной молодежи в современном мире»; «Монашество в современном мире» — матушка Юлиания; «Внешние признаки нашего благочестия» — о. Константин Бусыгин; «Оцерковление жизни» — Владыка Иоанн. Доклад Владыки Лавра дал указания к поведению православного христианина в миру, подчеркивая необходимость совершать подвиги веры и нести свой крест. Доклад о. Григория дал обширнейшее объяснение сущности и свойств бесплотных сил, научая молиться им, особенно же своим Ангелам-хранителям, нашим ближайшим помощникам и как бы друзьям. Матушка указывала, что не только монашествующим, но и всем христианам для спасения души можно и даже должно исполнять иноческие правила жизни (кроме особых обетов). Доклад о. Владимира, охватывающий разные аспекты жизни, был как бы воплем, предостерегающим от соблазнов современного мира, призывающим к чистоте и целомудрию. Владыка Иоанн говорил о том, что больше всего его волнует, о нашей жизни вне Церкви, вне Ее спасительных правил; он горячо призывал каждого оцерковлять свою жизнь. О. Константин, в доступной форме и по содержанию, и по изложению, объяснил глубинное значение церковных символов и обрядов, поставив на главное место Крест, подчеркнув огромную благодатную и ограждающую силу крестного знамени.

После каждого доклада были вопросы или комментарии на данную тему.

Однажды, после докладов, один из участников съезда — русский поэт — продекламировал два своих произведения, безупречных по форме и исключительно сильных по своему содержанию.

О. Георгий Петренко не читал доклада на определенную тему, но почти каждый день добавлял что-нибудь на тему прочитанного из своего пастырского опыта; это были отчетливые, интересные и важные дополнения.

Предпоследний день занятий съезда был посвящен вопросам и ответам. На животрепещущие или недоуменные вопросы отвечал, главным образом, Владыка Лавр. Вечером происходила исповедь почти всех участников съезда. На следующий день в субботу два автобуса повезли всех в храм Пресвятой Троицы на «Вила Алпина», где настоятельствует о. Георгий Петренко. В тот же день в общежитии состоялось заключительное собрание, на котором представители приезжего духовенства и молодежи благодарили организаторов за их подвиг, высказывая пожелания, чтобы такие съезды повторялись, по возможности, каждый год. Тут же обратились к матушке Юлиании с просьбой разрешить на будущий год собраться в ее обители в Чили, на что она с радостью согласилась.

Вечером в субботу и в воскресенье утром всех возили в Свято-Троицкий храм на торжественные Богослужения, где прекрасно пел усиленный хор. После Божественной Литургии в большом, вместительном зале при храме был подан обед участникам съезда и всем съехавшимся русским жителям Сан-Пауло, многие из которых очень жалели, что по дальности расстояния не смогли воспользоваться той духовной пищей, которая щедро подавалась на съезде. Увы — всего не совместить!

После заключительных слов и благословения наших архиастырей и их отбытия, на сцене зала выступали с национальными русскими танцами солист из Чили и бразильская русская балетная группа.

Благодарность и хвала всем принявшим деятельное участие в съезде; да воздаст им Господь Бог по их трудам!

М. Гершельман

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СНОВА АТАМАН КАЛЕДИН

Нам пишут из Новочеркасска:

Здесь в помещении Донского казачьего драматического театра прошел 3-й объединенный Войсковой Круг казаков Дона. Открытым голосованием Круг избрал атаманом царицынского казака, потомка славного рода Калединых В. И. Каледина.

Походным атаманом избран В. Н. Ратиев. Кошевым — А. С. Мещеряков.

По казачьему обычаю Василий Иванович Каледин был приведен к присяге в войсковом Вознесенском храме города Новочеркасска.

ВЛАДИМИР БЕЛЯЕВ

Нам пишут из Москвы:

В опубликованной «Литературной Россией» статье «Фактор отечества» проживающий в Сан Франциско, США публицист Владимир Беляев написал, что «при самом искреннем и сердечном преклонении перед В. Г. Распутиным» он не может согласиться с его тезисом о том, что Россия поставила коммунизм на службу своей государственности.

В. Н. Беляев затем написал: «Приведу три примера из совсем недавнего прошлого: драгоценнейшие ресурсы страны, необходимые для ее собственного развития и благополучия продавались коммунистами за границей, чтоб на вырученные средства содержать целую ораву стран-прихлебателей, никак не обеспечивавших интересы России. С позволения коммунистов Минводхоз кропотливо и настойчиво подготавливал беспрецедентный экологический грабёж Сибири и русского Севера — поворот рек для орошения пустынь Центральной Азии (только начало «перестройки» прекратило эту авантюру). Сельскохозяйственная система, установленная и управляемая коммунистами привела Россию к закабалению зарубежными капиталистами, начатому еще задолго до нынешних отчаянных попыток «задолжать еще немного». Где же здесь хваленая служба приверженцев коммунизма государственным интересам России?»

ЗУРАБ ЧАВЧАВАДЗЕ

Нам пишут из Москвы:

Зураб Чавчавадзе, член совета Российского дворянского собрания подчеркнул в газете «Литературная Россия», что «бытие России вне православия и вне монархии — это бытие не русского государства. Народ оказался лишённым единой национальной идеи, объединяющей усилия отдельных личностей и социальных групп в их служении отечеству. Такова специфика русского жизненного уклада, сложившегося за тысячу лет христианской эры».

По мнению З. Чавчавадзе,

главный признак упадка нашего национального сознания заключается в массовом неуважении к закону как к таковому. «Я имею в виду, конечно, не пустопорожние идеологизированные законы, сформулированные в советских конституциях, а те законы жизни, которые на всем протяжении русской истории складывались на основе идей православной монархии».

УКРАИНСКАЯ АРМИЯ

Нам пишут из Иерусалима:

Газета «Джерузалем пост» сообщила, что в вооруженных силах Украины планируется ввести должность раввина. По словам израильской газеты в армии Украины насчитывается несколько тысяч военнослужащих евреев. Всего на Украине проживает несколько сот тысяч граждан этой национальности.

ЕКАТЕРИНА РАЕВСКАЯ

Нам пишут из Костромы:

В связи с 200-летием со дня рождения Павла Александровича Катенина на празднества в Чухломское имение Катениных были приглашены потомки поэта. В их числе — проживающая в Женеве Екатерина Александровна Раевская, внучка Т. А. Катениной. Е. А. Раевская ответила на приглашение письмом на имя Е. В. Сапрыгиной, заведующей сектором Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, в котором в частности указала:

«... Теперь, дорогая Елена Васильевна, мне придется пояснить Вам то, что, обговорив с Катениными в Петербурге, мы все вместе решили, что обойти мы не можем и права не имеем. В России, несмотря на все ужасы, через которые она прошла за последние 75 лет, у некоторых людей существует по сей день некое восторженное восхищение перед декабристами. Увы, для нас всех они являются отцами-основоположниками Юровских, Свердловых и Керенских. Они были, фактически, просто неудавшимися царевниками!»

Е. А. Раевская затем отметила: «Молодежи свойственно во все времена увлекаться новшествами. Этого не избежали и русские офицеры, попавшие в Париж (особенно же привыкшие к какому-то немому восхищению перед всем французским... как ныне перед всем англо-саксонским). Под влияние масонства и т. д. попал почти весь цвет нашего общества (обратите внимание, что Раевские декабристами никогда не были, а в Советском Союзе почти у всех, кто не досконально изучал историю, убеждение в том, что они ими были только потому, что дочери были замужем за таковыми)».

По словам Е. А. Раевской П. Катенин «действительно в молодости писал постыдные стихи, но и даже за них «зверский царский режим» его не сослал на каторгу или даже в его имение. Он дружил с декабристами, но членом их общества ведь не был! Сос-

лан-то он был, как говорила бабушка, за хулиганство. Он всем надоел своими выходками, вот и по тем временам получил по заслугам. Бабушка говорила, что он был, конечно, крайне одаренным человеком, многогранным, но несносным, и в семье черной овцой за свои дерзкие проделки».

В заключение Е. А. Раевская заявила: «Так вот, мы и решили Вам прямо написать, что если его будут чествовать как выдающегося поэта, как человека, который сделал много для своего края и т. д., то мы все, то есть Катенины и Раевские, с радостью примем Ваше любезное приглашение, но если это будет опять воспевание его как декабриста, который собственно он и не был, хотя и симпатизировал им и был под их влиянием, то мы принять Вашего приглашения никак не сможем. Мы стыдимся этого, а не гордимся этим!»

Требование Раевских и Катениных было принято, а вышеприведенное письмо опубликовано в газете «Северная правда». Причем, в предисловии к нему П. Негорюхин написал:

«Взгляды, которые излагает автор письма на восстание декабристов 1825 года, являются отражением мировоззрения подавляющего числа дворян первой русской эмиграции, их потомков в дальнейшем зарубежье. Эти же взгляды выражались многочисленными современниками событий 1825 года в документах, мемуарной литературе дошедшей до нас, но почти не публиковавшейся после революции, так как это не соответствовало официальной точке зрения властей предревжаций. Н. Н. Греч писал в своих записках, «что в этом мятеже не было ни на грош народности, что внушения к этим глупокровавым затеям произошло от книг немецких и французских, отчасти плохо и бестолково переводимых, что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу и, в случае успеха не только не составили бы счастья народа, но подвергли бы его тягчайшему игу, и предали бы всю Россию бедствиям, о каких нельзя составить себе понятия». Известный русский поэт Федор Тютчев, разделяя эти взгляды, писал в стихотворении «14 декабря 1825 года»: «Народ чуждаясь вероломства, поносит ваши имена — и ваша память от потомства как труп в земле схоронена».

П. Н. БУДЗИЛОВИЧ

Нам пишут из Москвы:

Газета «День» поместила статью проживающего в штате Нью Йорк председателя Конгресса Русских Американцев Петра Будзиловича под заглавием «Монархия в России» и сопроводила ее следующей заметкой: «Публикуемый материал — из рукописей, привезенных из США и рекомендованных газете членом редколлегии Валентином Распутиным».

В своей статье П. Н. Будзилович написал, что «приступая к такой сложной теме, как возможность восстановления монархии в

России, следует сразу же попытаться установить, о чем, собственно, идет речь... Под словом «восстановление» я имею в виду... восстановление русской православной монархии как института. Под термином «русская православная монархия» здесь будет подразумеваться монархия, существовавшая до Петра Первого. После отрицания Петром Первым верховного значения Церкви в государственных делах идея русской православной монархии была подорвана».

Далее П. Н. Будзилович подчеркнул, что «по идее русской монархии только Бог является источником власти монарха! Эта мысль была с предельной четкостью сформулирована Иоанном Грозным в одном из его писем князю Курбскому, сбежавшему в Литву и оттуда с безопасного расстояния, затеявшего свой диспут. «Ваше дело холопы повиноваться, а я — пишет Царь, — за вас отвечу перед Богом!» Если мы согласимся, что русская православная монархия может существовать только тогда, когда и монарх, и его подданные будут истинно верующими христианами, то проблема восстановления монархии в России становится проблемой восстановления православия».

Посвятив затем главную часть своей статьи разбору идей царя Ивана Грозного «одного из теоретиков идеи русской православной монархии допетровского периода», П. Н. Будзилович написал:

«Именно уже значительно потускневшее религиозное сознание дало место той теории абсолютизма, по которой народ будто бы отрекается от своей власти в пользу монарха. В действительности это идея не монархии, а цесаризма, вечной диктатуры, то есть в основе идея демократическая. По идее монархической народ вовсе ни от чего своего не отказывается, а лишь проникнут сознанием, что верховная власть по существу принадлежит не ему, а той Высшей Силе, которая указывает цели жизни человеческой. Народу не от чего отказываться: он просто признает власть Бога и тот факт, что в государственных отношениях она вручается монарху не народом, а Божественной Волей. При таком понимании власть монарха не есть народная, не из народной власти истекает и не народную волю призвана выражать. Но, с другой стороны, эта власть существует не для самой себя, как это может случиться при абсолютизме, но для народа, для исполнения миссии, свыше указанной. Таким образом, монархическая власть составляет служение, а не привилегию («Эх, тяжела ты, шапка Мономаха!»).

В заключение предостерегает КРА подчеркнул: «Настоящая монархия этой своей отвлеченностью от народной власти и народной воли и в то же время своей подчиненностью народной вере, народному духу, народному идеалу — именно и приобретает способность быть властью верховной».